

Количество евнухов и служанок, оставшихся от прошлой династии, было немалым. Если выпустить их на свободу сразу, это вызвало бы беспокойство, а казнить всех — сочли бы жестоким и вызвало бы осуждение. Взвесив всё, Ци Юньхэн приказал сначала собрать всех евнухов и служанок и отправить в императорское поместье за городом, а затем уже отбирать и распределять их по отдельности.

Относительно говоря, со служанками было проще. Женщины в дворце, даже не будучи красавицами, не выглядели уродливо, и редко кому из них было за сорок. Их раздали солдатам, которые из-за ранений или болезней должны были вернуться домой, — те могли взять их в жёны и продолжить род. Таким образом, большинство служанок быстро разобрали.

Но желания самих служанок никого не интересовали.

Как выразился Чжу Бянь:

— Они ведь прекрасно знали, что их ждёт после падения государства. Будь у них хоть капля твёрдости духа, они бы давно покончили с собой, чтобы умереть за свою страну, а не влачили бы жалкое существование до сих пор.

По сравнению с этими лёгкими в решении служанками, судьба евнухов была куда более головной болью.

Проворные и имевшие связи евнухи сбежали ещё до того, как Ци Юньхэн вошёл в столицу. Оставшиеся были либо тупы и неповоротливы, либо не имели куда идти, а некоторые были ярыми преданными старой династии, оставшимися специально, чтобы сеять смуту в новом государстве. Но евнухи обычно знали гораздо больше тайн, чем служанки, и просто казнить их было бы не только несправедливо, но и расточительством — ресурсом, о котором нельзя было заявить открыто.

В итоге именно Чжу Бянь, человек, который не боялся проблем и не уклонялся от трудностей, взял на себя этих евнухов. Он продолжил держать их в императорском поместье под охраной Стражи Золотого Клинка, заставляя работать и одновременно проводя допросы, чтобы выявить смутьянов.

Среди этих евнухов главным объектом внимания, тем, кому даже не разрешили покончить с собой, был главный евнух при бывшем императоре — Ван Цзюлин.

Ци Юньхэн хоть и завоевал большую часть земель прошлой династии и получил перед въездом в столицу собственноручно написанный императором Синхэ указ об отречении, что делало его непререкаемым основателем новой династии и с точки зрения морали, и с точки зрения закона, он до сих пор не был уверен, жив император Синхэ или мёртв. Если мёртв, то где? Если жив, то где скрывается?

Согласно донесениям лазутчиков, скрывавшихся во дворце, последним, кто видел Синхэ, был главный евнух Ван Цзюлин. Именно он лично наблюдал, как император написал указ об отречении, а затем доставил его Ци Юньхэну.

Но после того как Ван Цзюлин покинул дворец, император Синхэ бесследно исчез.

Ни шпионы внутри дворца, ни те, что снаружи, не смогли обнаружить, как Синхэ исчез. Внешние настаивали, что император не покидал императорский дворец, внутренние же клялись, что он всё время находился в Дворце Юнтай и, даже если умер, то только там.

После входа в столицу первым делом Ци Юньхэн провёл перепись населения. Было выявлено множество скрывающихся высокопоставленных чиновников и шпионов, внедрённых другими мятежными армиями, но ни тени Синхэ обнаружено не было. В императорском дворце, особенно в Дворце Юнтай и вокруг него, землю перекопали на три чи, но никаких потайных комнат или проходов тоже не нашли.

Живой человек просто бесследно испарился.

Хотя судьба Синхэ уже не могла повлиять на общую ситуацию, эта заноза сидела в сердце Ци Юньхэна, и каждый раз, когда он вспоминал о ней, ему становилось не по себе.

В тот вечер Ци Юньхэн снова отправился по потайному ходу в Летний дворец, только на этот раз гораздо раньше, как раз перед ужином.

Оуян на самом деле встал не так давно. Поскольку он не планировал никуда выходить, а вскоре собирался снова лечь спать, он даже не переоделся в парадную одежду, остался в зимнем нижнем белье, накинув поверх тёмно-красный шёлковый стёганный халат.

Но Летний дворец и так был местом в императорском дворце с самым обильным снабжением углём для обогрева, да и у Оуяна были свои методы защиты от холода, так что замёрзнуть он никак не мог. Перед тем как переехать, он распорядился добавить в главном зале дополнительный слой внутренней теплоизоляции, а все окна заменить на стеклянные, лишь снаружи приклеив слой бумаги, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Стекло не было новинкой для Ци Юньхэна. Ещё когда он женился на Оуяне, в доме, где тот обычно жил, уже использовали стекло. Эта местная подделка хоть и уступала в разнообразии и качестве сортам из других миров, но по прозрачности вполне годилась для оконных рам, изготовления предметов обихода и имитации природного горного хрусталя.

Оуян не собирался распространять технологию изготовления стекла, а Су Су предпочитала продавать производимые стеклянные изделия как редкий импортный товар, получая огромную прибыль. Ци Юньхэн, конечно, знал, что цена на стекло была завышена, во всяком случае, оно не было таким дорогим, как настоящий горный хрусталь или глазурь, но насколько именно дёшево, он не знал и не мог спрашивать.

Тем не менее, когда Оуян предложил заодно заменить все окна в Дворце Тайхуа на стеклянные, Ци Юньхэн под предлогом «много ртов — много слухов, высокое дерево ловит ветер» отказался от его доброго предложения. Независимо от реальной стоимости, в глазах невежественных обывателей стекло было такой же диковинкой, как горный хрусталь и глазурь, и цена на него была не ниже. Натывать такую дорогую вещь по всему императорскому дворцу — даже если не захлебнуться от слюны придворных цензоров, так уж точно навлечь на себя обвинения в расточительстве и роскошестве.

Оуян «уважил» выбор Ци Юньхэна и не стал заставлять его пользоваться благами, которые он принёс с собой. Но в результате Летний дворец, выглядевший снаружи довольно уныло, внутри был настолько жарко, что в нём невозможно было носить зимнюю одежду.

— Ты что, собираешься у меня поселиться? — Оуян, накинув халат, полулёжа откинулся на диване, искоса глядя, как Ци Юньхэн переодевается рядом.

— Как раз собирался тебе сказать, — ответил Ци Юньхэн, расставив руки, чтобы служанки помогли ему надеть более лёгкую повседневную одежду, и повернувшись к Оуяну. — Прибери немного в своём кабинете, освободи место, я велю перевезти туда кое-какие мои вещи. В

будущем мне, наверное, придётся часто тебя беспокоить.

— Я кабинетом не пользуюсь, делай что хочешь, — равнодушно махнул рукой Оуян. — Если что-то мешает, просто выбрось.

Такое небрежение Оуяна вызвало у Ци Юньхэна некоторую досаду.

В глазах света Оуян был типичным примером человека, погрязшего в развлечениях и забросившего учёбу, глубоко ненавидящего литературу и каллиграфию, целыми днями предававшегося чувственным удовольствиям. Но Ци Юньхэн, общавшийся с ним глубже, хорошо знал, что этот человек отнюдь не был пустышкой, в лучшем случае он просто шёл окольными путями, любил прикладные науки и ненавидел канонические трактаты.

Однако то, что Оуян не любил читать и не любил держать в руках кисть, было правдой.

Ци Юньхэн не раз обсуждал с ним этот вопрос, и Оуян каждый раз отмахивался словами «всё хорошо в меру», говоря, что он за один присест прочёл столько книг, что теперь при виде печатного текста ему хочется его порвать и сжечь.

Ответ Оуяна был наполовину правдой. Изначально он не был любителем чтения, и по разным причинам начал учиться гораздо позже обычного. Чтобы догнать сверстников в знаниях, ему действительно пришлось в короткий срок прочесть огромное количество книг. Но настоящей причиной его отвращения к учёбе стало перерождение, после которого он в один присест переписал десятки тысяч томов классики. Закончив эту работу, он действительно достиг предела: теперь ему хотелось рвать даже бумагу.

Но эта тема обсуждалась давно, и сейчас Ци Юньхэн не настолько скучал, чтобы заставлять Оуяна учиться. Лёгкая досада промелькнула в его сердце и тут же рассеялась, а внимание быстро переключилось на ужин в Летнем дворце.

Сегодняшний ужин в Летнем дворце был очень простым, всего одно блюдо и основное кушанье вместе.

Называлось оно: цзяоцзы.

Ци Юньхэн невольно усомнился.

Хотя у Оуяна не было ранга и положения, и он не требовал, чтобы в Летнем дворце во всём следовали правилам императорского дворца, повара Летнего дворца были людьми, которых Оуян привёл сам, и закупками тоже полностью занимались его люди. Как бы те ни халтурили, они вряд ли дошли бы до такого откровенного пренебрежения.

Ци Юньхэн повернулся к Оуяну, пытаясь по его реакции найти ответ.

Оуян же лишь слегка приподнял бровь, а затем с обычным выражением лица велел слуге сходить на кухню за ещё парой закусовых блюд, словно он просто не ожидал прихода Ци Юньхэна, а не стал жертвой саботажа со стороны слуг.

[Отсутствуют]